

Во всех фильмах Зайцева олицетворяла истинную русскую женщину

таша — личность сильная. То, что с ней случилось, я очень тяжело переживаю.

— Навещали ее?

— Зачем? Когда человек болен, он практически никого не хочет видеть. Она актриса и не хочет, чтобы ее видели беспомощной. Если б она была рядовым человеком, тетей Ниной — это другое дело.

«От государства я ничего не получила — даже квартиры»

— Заметила, что актрисы вообще жаловаться не любят...

— Я не имею права жаловаться, пока есть люди, которым не приносят пенсию, старики, замерзающие в своих домах. У меня есть кооперативная квартира в центре Москвы. Есть старенькая, но мебель. Теперь смотрю на нее и думаю: это та мебель, с которой умру, потому что другой уже, наверное, не куплю.

— А для себя чего-то хочется?

— Мне давно уже ничего не хочется, я не могу себе этого позволить — надо кормить дочь, мужа, мать... У меня несколько лет нет люстры на кухне. Я иногда глаза в тоске подниму и думаю: «Опять сорокаваттка висит, надо поменять». Куда-то забежишь случайно, там такие цены — глаза на лоб лезут... Хотелось бы маленький кусочек земли, чтобы иногда дышать свежим воздухом. И раньше были проблемы — надо было достать мебель, устроиться в кооператив. Так я ничего и не получила от государства — построила квартиру на свои деньги. Когда снималась, они у меня были. Я не умела заводить знакомства с нужными людьми — дантистами, гинекологами, мясниками. Если что-то было в жизни, то только потому, что ко мне хорошо относились. Но я сама не делала никаких попыток к сближению с нужными людьми. Меня в этом смысле поражали некоторые мои знакомые, особенно провинциалы — хотя я сама с Кубани. Через год жизни в Москве у них было все — они несли домой бананы, икру, балыки. Я смотрела и думала: «Как это им удается?» Работники сферы обслуживания сами шли мне навстречу. В магазине кто-нибудь говорил: «Заходите к нам — у нас бывает хороший творожок». Эти люди, которые уже не работают в магазинах и от них нет никакого проку, периодически мне звонят, поздравляют с праздниками.

— А киношники звонят, чтобы поинтересоваться, как жизнь, как здоровье?

— Кто-то звонит, в основном по старым связям. Когда была жива, звонила Любочка Соколова. Но я даже не попала на ее похороны — у меня сильно болела мама. Недавно позвонил режиссер Борис Яшин, который непростительно забыл... Знаете, как у нас — юбилеи одних отмечает вся страна, а про других даже и не вспоминают. Сейчас все расползлись по своим норам, все выживают.

С особой теплотой Людмила Васильевна говорит о своей 21-летней дочери, которая учится на третьем курсе ВГИКа.

— Я не принимала никакого участия в ее поступлении, — утверждает актриса, — понятия не имею, какой был конкурс, что она читала на экзамене.

— Ваша дочь — поздний ребенок. Она легко вам далась?

— И трудно, и радостно. Можно развестись с мужем, не разговаривать с сестрой, а за свое дитя отвечаешь всю жизнь. Моя мамочка опекала меня от ложных шагов, ненужных движений, заботилась обо мне. А теперь она сама беспомощна, как ребенок. Дочери хочется одеваться, как-то соответствовать. Сейчас искушений больше. Она умничка — сама вяжет, шьет. В этом плане она не моя дочь — гораздо рукастей, чем я. Но ей не нравится то, что она сама может сшить. Ей кажется, юбка из сэконд-хенда за двести рублей гораздо лучше. Пытается заработать, бегает по кастингам, если что-то не получается, горюет. Ей хочется не знаменитой быть, а элементарно помочь — «чтобы мама поменьше напрягалась»... Как и любой девушке, ей нравятся шпильки, а шпильки в России можно носить, только если перемещаться в машине. Но молодым это невозможно объяснить. Это я на первом курсе могла ходить в ботинках прошлой молодости, и меня это никак не смущало. У меня были пальто и шапка из «Детского мира». Но тогда немножко по-другому люди жили, не было такого расслоения, как сейчас.

— Вы довольны своей актерской судьбой?

— Может, надо было 100 фильмов сыграть... Для кого-то и пять фильмов — много, а кому-то две сотни подавай. Но у каждого свой счет.

■ Надежда Келлер.